

УДК 330.84/.86(571)
ББК 65.02(253)53-2
DOI [10.17150/2308-2588.2016.17\(3\).617-632](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2016.17(3).617-632)

И. И. Майнов

ПРЕДВЗЯТЫЙ ПЕССИМИЗМ (По поводу статьи «Судьбы капитализма в Сибири»)»

Аннотация. Переиздание увидевшей свет на страницах газеты «Восточное обозрение» статьи члена ее редакции, народовольца, этнографа Ивана Ивановича Майнова (1861–1936), ставшей частью содержательной — хотя и непродолжительной — дискуссии с марксистами (Л. Б. Красин), в центре которой находился вопрос о судьбах капитализма в Сибири.

Ключевые слова. «Восточное обозрение», Л. Б. Красин, И.И. Майнов, марксисты, народники, И.И. Попов, судьбы капитализма в Сибири.

I. I. Maynov

PRECONCEIVED PESSIMISM (Concerning the article «The fate of capitalism in Siberia»)»

Abstract. Re-edition of the article issued in «Eastern survey» newspaper and written by the member of its editorial staff, ethnographer, and member of «Narodnaya Volya» I. I. Maynov (1861–1936) that became a part of thoughtful, but brief discussion with Marxists (L. B. Krasin) about the fate of capitalism in Siberia.

Keywords. «Eastern survey», L. B. Krasin, I. I. Maynov, Marxists, Narodniki (Russian populists), I. I. Popov, the fate of capitalism of Siberia.

* Печатается по изданию: Восточное обозрение. 1896. 24 нояб. (№ 139); 29 нояб (№ 141). Подпись: И. М.

Несмотря на то, что в статье г. И. М. есть некоторые общие места со статьями И. И. П-ва, мы помещаем ее в виду того, что автор рассматривает вопрос с иной точки зрения, чем И. И. П-в. *Ред.*

I

«Перед Сибирью два пути: один — блестящий путь западно-европейского капитализма, другой — тернистая дорога развития существующих народных форм жизни в более высший. Недавно опубликованная Высочайше утвержденная реформа поземельного устройства в Сибири¹, выдвинувшая принцип государственной собственности на землю, при дружной работе правительства и общества, будет направлять эволюцию народного хозяйства в сторону второго пути и спасет Сибирь от стремительного потопа развития капиталистических форм». Так говорил в Нижнем Новгороде один из представителей Вост[очно]-Сиб [ирского] отдела географического общества, но в современной интеллигенции, как известно, существует значительный круг лиц, не допускающих для какой бы то ни было страны в мире возможности своеобразного развития. По мнению последователей этого взгляда, общая формула экономического прогресса уже найдена, — формула, «ея же не преидеши». Натуральное хозяйство в области добывающей промышленности и ремесленное производство в области промышленности обрабатывающей — это фазис первый исходный (если не удаляться в глубь доисторических времен и оставить в стороне античное хозяйство с характеризующим эту форму принудительным трудом рабов). Все необходимое для работы (орудия труда — капитал) на этой ступени развития принадлежит самому трудящемуся, и самый продукт достается, конечно, ему же. Вторую ступенью экономического прогресса является мануфактурный период, когда значение обрабатывающей промышленности заметно возрастает, и массы работников, выполняющих однородное дело (напр., ткачей, суконщиков), объединяются своей зависимостью от какого-нибудь богача; «хозяин» предоставляет им необходимые для работы орудия труда (напр., станки, сырой материал, помещение), и продукт уже

не составляет полной собственности трудящегося, а так или иначе распределяется между работниками и предпринимателем. Особенности мануфактурного периода, постепенно усиливаясь, готовят почву для наступления третьего фазиса — капиталистического, при котором разделение труда достигает небывалого развития; обрабатывающая промышленность и торговля становятся главным делом нации, а добывающая промышленность преобразовывается по тому же типу, так как массы трудящихся обезземеливаются, из самостоятельных хозяев превращаясь в батраков. По мнению мыслителя, впервые установившего эту схему, капиталистический фазис является отнюдь не окончательным. Соединяя орудия труда в руках немногих и разрушая хозяйственную самостоятельность массы работников, капитализм приближает возможность полного объединения экономических сил нации, и, таким образом, в области экономической играет роль, весьма сходную с ролью западно-европейских монархий в их борьбе с феодальным многовластием.

Нетрудно догадаться, какую могущественную нравственную поддержку находят в таком учении многомиллионные массы европейских пролетариев. Господствующий в европейской жизни капитализм именно на них отражается наиболее тяжелым образом. Попытки улучшить свое положение, при отсутствии определенной, философски обоснованной программы действий до половины нашего века сохраняли характер движений чисто стихийных, очень дорого стоивших и в результате ничего не дававших; усилия филантропов там или здесь несколько смягчить участь трудящегося люда очевидно не могли повлиять па общий ход жизни, и капитализм рос в Европе не по дням, а по часам, а с ним росла и его громадная тень. Учение немецкого экономиста неожиданно открывало перед массой пленительно светлое будущее; самые бедствия настоящего, в свете этого учения, превращались

в ступени к достижению грядущего благополучия, и каждый новый шаг в развитии капитализма являлся доказательством приближения чаемой и ожидаемой широко-альтруистической формы экономических отношений. Мало того, — творец системы не только «приподнимал завесу будущего», он и в настоящем определенно указывал такой способ действий, который не требовал от последователей системы ни героических жертв, ни рискованных опытов. Практическая программа философа оказалась превосходно приспособленной к условиям той страны, в которой система возникла, исторический процесс вызвал в этой стране необыкновенное развитие сословного духа; отдельные классы нации в продолжение веков жили бок о бок, мало соприкасаясь (разве — при взаимной борьбе); дворянство и бюргерство издавна имели свою сословную организацию и вели свою сословную политику; ремесленники также прошли школу цеховой дисциплины и теперь нововозникшему классу фабрично-заводских рабочих оставалось только последовать готовому примеру и сплотиться в могучую организацию. Высокая культура страны облегчала для такой организации возможность мирной и строго закономерной работы в духе ее классовых интересов, а формы общественной жизни допускали прямое воздействие на развитие законодательства. Философ заново оценил практическое значение этих условий и указал пролетариату разумную систему действий... Понятен успех системы в европейских массах, обретающих сразу и широкий идеал будущего и указание путей к улучшению своего быта в настоящем.

Совсем» иное значение получает та же система для наций экономическо-отсталых, в которых капитализм является не господином положения, а чужаком-пришельцем, не совсем уверенно стучащимся в двери.

Представим себе страну, в которой громадная территория, в значительной части еще не тронутая ни со-

хой, ни топором, составляет почти сплошь непосредственную собственность государства. Население этой страны владеет землею на общинном праве и занимается различными видами добывающей промышленности: земледелием, звероловством, скотоводством и рыболовством. Кое-где, не порывая своей связи с землей, крестьянин и тут отдает свой досуг какому-нибудь нехитрому ремеслу: моет кожи, вытачивает деревянные чашки, шьет бродни или что-нибудь подобное. Сравнительно с массою добываемого сырья общее количество «продуктов», вырабатываемых таким образом, можно признать чрезвычайно ничтожным. Роль фабрик и заводов в экономической жизни страны еще ничтожней; эти учреждения малочисленны, мелки, почти незаметны. Горное дело, то, правда, развито довольно широко, но капиталы, которыми оно движется, в значительной мере принадлежат не туземцам.

Прежде всего, развитие капитализма необходимо требует наличности огромного числа «рабочих рук», совершенно свободных от какой бы то ни было собственности. Это — *conditio sine qua non*ⁱⁱ. Обезземление таким образом составляет первое «благо», которого мы должны ожидать от капитализма. Упадок семейных нравов и широкое развитие проституции повсюду составляет второе «благо», а понижение роста и упадок физических свойств населения, успевшего «вывариться в фабричном котле», — это третье «благо» и неизменный спутник торжествующего капитализма. Неизбежность всех этих явлений не отрицают и последователи немецкого ученого, но они в утешение приводят два довода: во-первых, чему быть, тому не миновать, а *magister dixit*ⁱⁱⁱ, что уже таков всеобщий закон, а во-вторых, — за бедствиями ближайшего будущего некогда, в туманной дали грядущих веков, последует всеобщее благополучие. Уверенность в том, что их формула универсальна и непреложна заставляет русских учеников философа упорно отворачиваться

от таких явлений жизни, которые не предусмотрены системой (вспомним выражение г. Струве^{iv}: «артели — это миф!»). Если для правоверного католика все дороги ведут в Риме, то для правоверного марксиста в Рим ведет только одна дорога, именно та, что пролегает через врата капитализма.

При страстном желании добраться когда-нибудь до Рима, правоверные спешат к этим заветным вратам, распахивают их настезь и призывают всех и каждого смело идти вперед, заранее обрекая многие поколения соотечественников в жертву Молоху и его спутникам: нищете, разврату, вырождению.

Понятно, что жители отсталой страны, о которой мы говорили выше, мнутя и упираются. Земной рай еще когда-то наступит, но и наступит ли когда-нибудь, — это пока вопрос, а бедствия, и притом бедствия страшные, грандиозные по размерам и глубоко трагические по существу, — это уж дело верное, в чем все согласны.

Жители мнутя и тревожно оглядываются по сторонам. Они ищут, нет ли других путей в Рим, и требуют доказательств, что этих ворот действительно не обойдешь. Учение, которое для западного европейца является «благою вестью», указующею путь к предполагаемому спасению, для многих и многих народов оказывается таким образом зловещим и мрачным, почти самоубийственным учением, совершенно непригодны для построения широкой программы практической деятельности. Так, на своей родине, т. е. в Германии, система, как мы видели, оказалась вполне согласованной с условиями времени и места, но в Китае? в Японии? в Сибири? Чем и как могу я послужить своему краю, если я родился китайцем или сибиряком? Система отвечает: развивай сознание производителя (понимай — фабричного рабочего). Но если на моей родине фабричные и заводские рабочие составляют менее одной сотой всего населения, тогда

как многомиллионная масса соотечественников земледельцев нуждается в просвещении не менее горожан? если даже в образованном обществе на моих глазах получают широкое распространение самые дикие понятия и возрождаются нравы чуть ли не доисторических времен, я спрашиваю: что же мне делать? как мне бороться со злом и поработать для родины? Система невозмутимо отвечает: презри все это, как не относящееся к делу, и развивай сознание производителя (понимай — фабричного рабочего). Понятно, что я, сибиряк или китаец, не удовлетворюсь таким ответом, — разве только мне будет доказано, как дважды два — четыре, что система покоится на незыблемых основаниях, что ее истинность свидетельствуется не только тем, что так «сам сказал», но и всем, что мы знаем о прошлом и настоящем своей родины.

По отношению к Сибири г. Л. Б. Кр-н взялся доказать, что универсальная истина действительно универсальна и что мнение И.И. Попова о возможности для Сибири двух путей экономического развития — сладкая иллюзия и больше ничего. «Не плакать и не смеяться, а понимать» советует нам автор в эпиграфе своей статьи. Попробуем же, не плача и не смеясь, проследить аргументацию сибирского марксиста, не уразумеем ли мы и на самом деле тщету упований наивно-го оптимиста И. И. Попова?

II

«Прекрасно сознавая неудобства обсуждения столь важных предметов на страницах небольшого провинциального органа», — автор выступает со своей статьей, — «желая... осветить некоторые, до сих пор, по-видимому, совсем упущенные стороны дела»; задача автора, по его словам, состоит в том, чтобы «основываясь на ряде положительных фактов, представляемых современной сибирской действительностью, выяснить насколько справедлива мысль об особенностях тех пу-

тей, которыми пойдет экономическая эволюция Сибири». При этом «во избежание недоразумений» автор оговаривается, что именно он подразумевает под капитализмом: «в более тесном смысле слова, это такой способ производства, при котором орудия и средства труда принадлежат на правах частной собственности предпринимателю капиталисту и приводятся в действие наемными работниками». К сожалению, принимая, как видно из этой цитаты, общепринятое определение капитализма, г. Кр-н сейчас же вслед за этим до такой степени расширяет смысл термина, что капиталистическими окажутся по терминологии автора чуть ли не все формы производства, какие только существовали в истории со времени падения рабства или даже одновременно с ним. Уже через несколько строчек после первого определения г. Кр-н говорит: «таким образом, в более широком смысле, мы назовем капитализмом вообще такой строй народного хозяйства, в котором осуществим целый ряд форм зависимости трудящихся масс населения от капитала, зависимости осуществляемой, поддерживаемой и воспроизводимой вновь, благодаря развитию массового хозяйства, денежного обращения и различных форм кредита и задолженности».

Всякому известно, что «различные формы кредита и задолженности» уже в древнем Риме или в России времен Бориса Годунова создали такую «зависимость трудящихся масс населения от капитала», которая далеко превосходит зависимость современного фабричного от хозяина фабрики, — но разве это дает нам право назвать древний Рим или древнюю Русь странами капиталистическими? Если принять второе, расширенное определение г. Кр-на, то несомненно мы должны будем признать, что в Риме господствовал «капитализм»; на самом же деле, как мы знаем, ничего подобного не было, а просто и в Риме, как и в Сибири, как и всюду, богатство представляло огромную

общественную силу. Смещение богатства вообще и всяких вообще форм эксплуатации с капитализмом, т. е. с определенным выше, весьма высоким фазисом экономического развития некоторых стран Запада, составляет по нашему мнению, коренную ошибку автора, проникающую всю его статью, так как в сущности вся аргументация г. Кр-на сводится к тому, что мол и в Сибири есть и богачи и беднота, и бедный люд находится в зависимости от богачей... Но кто же против этого когда-нибудь спорил?!

Умалчивая о том, сколько именно в Сибири фабрик и заводов, и какая часть коренного населения на нем занята в качестве наемных рабочих, наш автор победоносно доказывает (против кого?), что эти фабрики и заводы суть учреждения — капиталистические. Но если существование в Англии нескольких кооперативных товариществ еще не дает нам права называть классическую страну капитализма страной рабочих ассоциаций, то смеем думать, что жалкое прозябание кое-каких капиталистических учреждений в Сибири отнюдь не доказывает, чтобы в Сибири «капитализм торжествовал по всей линии»... Из того факта, что растение хило, можно заключить разве то, что почва для этого растения непригодна, а никак не то, что вот тут-то ему и цвести и разрастаться чуть ли не в тропический лес...

Задолженность трудящихся масс, как известно, имеет место не столько в среде чисто земледельческого населения; наши кустари страдают от задолженности едва ли не больше коренных земледельцев, и, понятно, что г. Кр-н указывает на этот факт с особенным подчеркиванием. По его терминологии все эти мелкие кулаки и «подторговщики», орудующие на сто целковых, называются, разумеется, «капиталистами», а масса кустарей приравнивается к пролетариям. Перечислив все тяжелые стороны в положении современного кустаря, автор заканчивает эту часть своих рассуждений такими

словами: «если ко всему описанному, на беду кустаря, присоединится еще конкуренция со стороны машинного производства, которое производит те же изделия в десятки раз дешевле и лучше, его положение станет поистине трагическим». Однако, имея в виду подлинные факты русской действительности (московский кустарный музей, пермский кустарный банк и т. п.)¹, нам не трудно будет видоизменить поставленный автором вопрос и обратиться к нему самому с такими словами: а что если ко всему описанному, на благо кустаря, присоединится планомерно организованное содействие правительства и всех живых элементов общества, которое доставит кустарю тот же кредит в десятки раз дешевле и лучше, гораздо лучше, чем кулак, установит связь кустаря с рынком, да вдобавок озаботится об улучшении технических приемов дела (московское земство, петербургский музей), — не станет ли тогда положение кустаря вполне благоприятным? Оставаясь на почве фактов, г. Кр-н был бы не в силах отрицать теоретической возможности именно такого прогресса, но, удалившись под сень всепредрешающей системы, он, конечно вопреки своему собственному девизу, ответит нам пренебрежительным смехом и заявит, что мы не в праве предаваться оптимистическим иллюзиям на счет грядущего процветания «народных форм производства»... Такое заявление очень категорично, но автор должен нас извинить, если мы останемся при своем мнении, так как доказательств в его статье никаких ведь не приводится...

Зорко выискивая крупницы капитализма в области фабричного и ремесленного производства, г. Кр-н, само собою, в высшей степени скептически относятся к всевозможным формам народного производства, в конце концов он прямо отрицает их существование:

¹ Позволим себе обратить внимание читателя на последнюю статью г. Иванюкова в сентябрьской книжке «Рус[ской] Мысли»^{vi}; там приводятся факты весьма любопытные и поучительные.

нет их в Сибири, никогда не бывало, да и быть не может! Мы спросим: почему? Наш автор нам ответит, что мол по отношению к инородцам Сибири и их промыслам безнадежность всяких попыток сохранения и улучшения неоспоримо доказывается вымиранием и обездолением инородцев... в заатлантических странах (sic!); а ведь там действуют «нации, подарившие миру Оуэнов и Линкольнов».

На это мы можем напомнить автору, что «нации, подарившие миру Оуэнов и Линкольнов», еще в наши времена объявляли денежную награду за голову убитого туземца и за бочонок водки «на законном основании» приобретали громадные территории. Инородцем также не раз приходилось очень круто от представителей «высшей расы», но во всяком случае такие племена, как буряты и якуты, не исчезли с лица земли, а растут в своей численности и сохраняют за собой значительные площади земельных угодий. Отсюда следует, что пример наций «подаривших миру Оуэнов и Линкольнов», никоим образом не предрешает участи наших попыток в разрешении инородческого вопроса. Ведь не примером Линкольна руководился в своей деятельности Николай Милютин^{vii} и тысяча его безвестных сподвижников; не ждали они, когда им будет дан образец из-за моря, а изучали свой край, и в условиях родной действительности находили средства для вполне самостоятельного осуществления великих целей, для воплощения в жизни не узко национальных, а общечеловеческих идеалов правды...

Пусть наша страна темна, но ведь это все-таки страна великая, имеющая вековое прошлое, которое завещало нам свои традиции, свои устои, свою особую совокупность условий, при которых предстоит развиваться тем или другим общественным началам; — ведь все это не может не влиять на самый процесс общественной эволюции, — но так ли? — По мнению единомышленников г. Кр-на вовсе не так: пространство,

время, среда, раса — все эти понятия исключены из их системы. Россия, Китай, Патагония, нация вступающая в историческую жизнь в IX или в XIX веке, — все такие различия не важны, ибо «внутренняя логика развивающихся экономических отношений» одна повсюду; врата капитализма отверсты передо всеми одинаково широко, и все нации к ним приближаются одинаковым шагом: *immer langsam und voran*^{viii}.

Посмотрим, однако, в чем же действительно выражается «внутренняя логика развивающихся экономических отношений» у нас в Сибири?

Так как главным промыслом сибирского населения донныне остается земледелие, то наиболее важным для определения общего характера экономической эволюции в этом крае оказываются изменения в порядках землепользования². В каком направлении изменяются в Сибири эти порядки, известно каждому интересующемуся вопросом. Обширные труды, предпринятые в 80-х годах М[инистерством] Г[осударственных] И[муществ]^{ix}, осветили перед нами грандиозную и глубоко своеобразную картину: на громадном пространстве от Урала до рек крайнего востока Алдана и Май³, во многих тысячах сельских обществ, медленно слагаются, формируются на наших глазах ... общинные порядки, свойственные уже издавна коренной России. Имея исходным пунктом вольный захват пустолежащих земель, сибирское крестьянство в последние десятилетия явно переходит к формам общинным, уравнительным. Вот основной факт сибирской действительности. Спрашивается: это грандиозное «событие» имеет ли свою «внутреннюю логику?» или, вспомнив Гегеля, мы должны

² Кстати заметим, что наш автор придает этому термину чересчур своеобразное толкование: тот или другой (артельный или индивидуальный) способ обработки земли, т. е. способ производства хлеба, совсем не входит в содержание понятия землепользования.

³ Мы имеем в виду и недавние исследования, проводившиеся в Якутской области^x.

признать такое явление как противоречащее системе, за «призрачную, неразумную действительность», которую можно вполне игнорировать? Г[осподин] Кр-н склонен думать именно так: он упоминает о развитии общинных начал только вскользь, пренебрежительным тоном, но мы в праве ему заметить, что пренебрежение тут совершенно неуместно. Если принцип государственного землевладения (постановления 23 мая 1896 г.) и общинного землепользования не в силах создать народного богатства, то они, во всяком случае, воздвигают мощную преграду обезземелению народной массы, и где нет безземельных рабочих, там нет городского пролетариата, где нет пролетариата, там нет капитализма.

Г[осподин] Кр-н и его единомышленники совершенно забывают, что даже в странах несомненно капиталистических, каковы Франция, Англия, Америка, «внутренняя логика развивающихся экономических отношений» отнюдь не привела все эти нации к полной тождественности всех общественных, и даже более узко — только экономических форм быта. Если громадны и существенны различия между этими странами, столь сходными по уровню и общему характеру своей культуры, то казалось бы, понятно само собою, что в стране, далекой от них не только географически, но в всячески, «внутренняя логика событий» окажется совсем иной. На деле мы это и видим, но ... что-же останется от системы, если мы всякую действительность будем признавать за разумную?!

Уделять все внимание одному ряду сравнительно мелких фактов и замалчивать факты бесспорно крупные — это не значит рассматривать вопрос объективно и научно. А между тем слова «объективность» и «научность» не сходят с языка наших марксистов. Прилагая свою доктрину к той или другой стране, марксист торжественно предупреждает, что тут нам должно «не плакать и не смеяться», а только понимать — своего рода: разумейте языцы и покоряйтесь.

Однако, для того, чтобы понимать жизнь страны, надо прежде всего знать именно эту страну, а не только ту или иную социологическую формулу. Даже в небесной механике, где общие законы движения в точности известны, все орбиты данного движущегося тела определяются лишь при наличии некоторых сведений хотя бы о малой части его действительного пути, и в этой простейшей сфере явлений, при всей универсальности закона тяготения, бывают пути эллиптические, бывают и иные... Неужели же законы общественной эволюции, по мнению г. Кр-на, выходят еще проще, и уж если для Германии путь ее экономического развития, скажем фигурально, оказался эллиптическим, то и для Сибири, и для Патагонии он будет неизменно таким же?

Само понятие «внутренней логики событий», если мы дадим себе труд вдуматься в смысл этих слов, исключает всякую возможность предсказывать одинаковый ход явлений в двух совершенно различных средах.

В частности, нашествия на Сибирь капитализма, как совершенно справедливо замечает г. Кр-н, нельзя предотвратить заклинаниями. Но ведь и г. Попов, в своей речи возлагал надежды не на силу каких-то мистических заклинаний, а на «дружную работу правительства и общества», а это — фраза, за которой можно предполагать целую программу практических мероприятий.

В чем состоят эти мероприятия, более или менее известно каждому образованному русскому. Вопрос об экономическом будущем нашей родины сводится таким образом к тому, в каком направлении будет развиваться деятельность правительства и насколько широки и гибки окажутся те формы, в которых могло бы проявляться «дружное» содействие общества.

Это, разумеется, вопрос открытый, — и г. Попов именно так его и поставил; г[осподин] же Кр-н предreshает открытый вопрос заранее, делая выводы не из

фактов, а из предвзятых положений, подкрепляемых своего рода «субъективными заклинаниями».

Для кого как, а для нас это совсем не убедительно.

Примечания

ⁱ См. примечание ⁱⁱⁱ к статье И. И. Попова «Восточная Сибирь на всероссийской выставке 1896 г.».

ⁱⁱ *conditio sine qua non* (лат.) — неперенное условие.

ⁱⁱⁱ *magister dixit* (лат.) — это сказал учитель.

^{iv} См. примечание ⁱⁱ к статье Л. Б. Красина «Судьбы капитализма в Сибири».

^v «артели — это миф!» — И. И. Майнов приписывает данное утверждение П. Б. Струве вслед за другими участниками обсуждения доклада Н. В. Левитского «Земледельческие артели Херсонской губернии (Александрийского и Елисаветградского уездов)», сделанного 13 января 1896 г. на заседании III Отделения Императорского Вольного экономического общества. Зафиксированное в стенограмме прений и опубликованное в № 2 Трудов ИВЭО высказывание П. Б. Струве звучит иначе: «Я совершенно откровенно скажу, что у нас существует больше артельной мифологии, нежели артелей». И, возражая против искажений своих слов в выступлениях других участников обсуждения, уточнил: «Я собственно сказал, что у нас, т.е. в нашей литературе, существует гораздо меньше данных об артелях, нежели артельной мифологии, но отсюда вовсе не следует, чтобы я назвал самую артели мифом. Говорить, что артель составляет миф, я не мог, потому что это было бы нелепостью» (Земледельческие артели Херсонской губернии: [Сб. материалов]. СПб, 1896. — Режим доступа : <http://library.kr.ua/elib/zemart/zemart5.html>).

^{vi} См. примечание ^{xxxvii} к статье И. И. Попова «Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л. Б. Кр-ну)».

^{vii} Милютин Николай Алексеевич (1818–1872) — государственный деятель, чье имя связывается обычно с реформами 1860-х, и в первую очередь — с освобождением крестьян. Майнов же предлагает взглянуть на Милютина как на принадлежавшего к племени «просвещенных бюрократов», полагавших, что цели реформирования общества могут быть достигнуты только на основе предварительного его — статистического и этнографического — изучения. Рискнем предположить, что отнюдь не случайным совпадением стали появление имени Милютина на страницах его статьи и интерес, проявленный в

те же годы к Милютину как одному из организаторов научной статистики в России его коллегой по ВСОИРГО, будущим известным историком А. А. Корниловым. Интерес, вылившийся не только в реферат, прочитанный тем в одном из заседаний общества, но и в статью: Корнилов А. А. Николай Алексеевич Милютин // Сибирский сборник / под ред. И. И. Попова. Иркутск, 1897. Вып. 3. С. 251–261.

^{viii} immer langsam und voran (нем.) — здесь: медленно, но верно.

^{ix} См. примечания ^{xxix} и ^{xxx} к статье И. И. Попова «Судьбы капитализма в Сибири. (Ответ Л. Б. Кр-ну)».

^x «...недавние исследования, проводившиеся в Якутской области» — автор имеет в виду Якутскую (Сибиряковскую) экспедицию Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества под руководством Д. А. Клеменца 1894–1896 гг., в которой сам принимал участие, осуществляя антрополого-демографические изучения населения Якутского края (см., например: Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск, 1898. 214 с. — (Труды ВСОИРГО; № 2).

Публ. и прим. *Д. Я. Майдачевского*

Библиографическое описание статьи

Майнов И. И. Предвзятый пессимизм. (По поводу статьи «Судьбы капитализма в Сибири») / И. И. Майнов ; публ. и прим. Д. Я. Майдачевского // Историко-экономические исследования. — 2016. — Т. 17, № 3. — С. 617–632. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).617-632.

Reference to article

Maynov I. I. Preconceived pessimism (Concerning the article «The fate of capitalism in Siberia»). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2016, vol. 17, no. 3, pp. 617–632. DOI: 10.17150/2308-2588.2016.17(3).617-632. (In Russian).